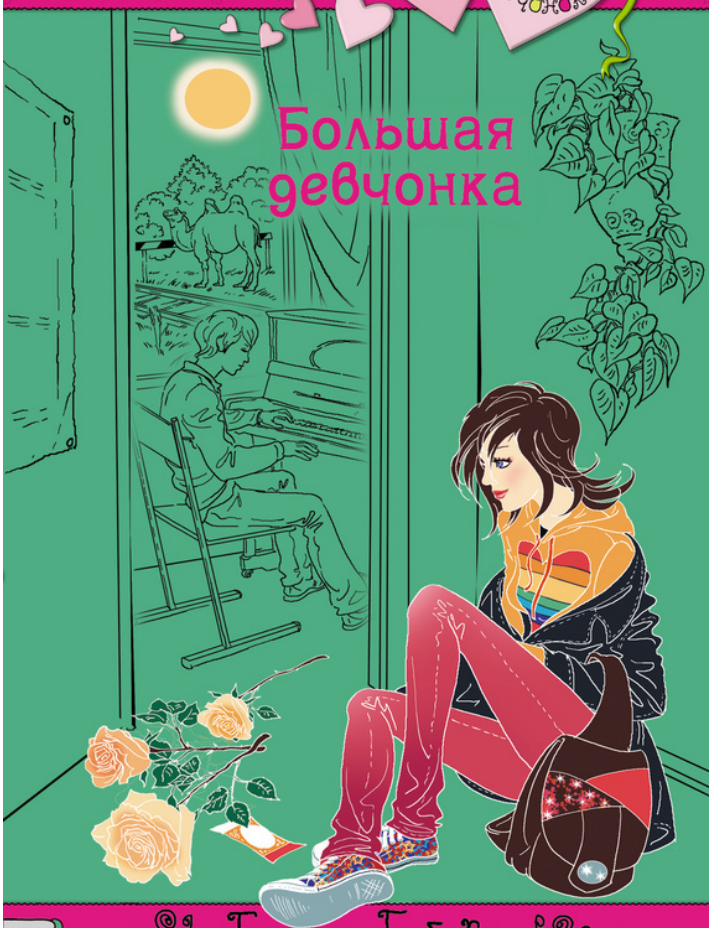
Только для девчонок

Большая девчонка



Елена Габова

Елена Габова

Большая девчонка

Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5007600
Большая девчонка : повесть / Елена Габова.: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62805-6

Аннотация

У нее было очень красивое имя – Виолетта, но все ее звали просто Веткой. Она не носила юбок и платьев, одеваясь в бесформенные толстовки и рваные джинсы. Симпатичному, умному и талантливому парню девушка необдуманно предпочла того, кто не обращал на нее внимания, полагая, что историю можно переписать с чистого листа, а шанс дается дважды…

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 38

Елена Габова
Большая девчонка

Когда на меня смотрит Захар, а я ненакрашенная, мне хочется бежать от него прочь, делать мейкап и возникать перед ним красивой. Поэтому в школе я всегда красотка (хаха). А вчера я встретила Захара на пляже. Кто же красится, когда идет купаться? И хотя мне так нравится встречаться с Захаром, сейчас я постаралась, чтобы он меня не заметил. Пробежала бочком. А еще – и это самое главное, понимаете, да? – он был не один. Рядом с ним шла длинноногая девица в желтом купальнике. Когда они прошли, я оглянулась и проводила ее недобрым взглядом. Кто такая? Почему с Захаром? Вернее – почему он с ней? А потом меня окликнула Аня Водонаева из 10-го «Б».

– Ветка, приветка! – Это она так поздоровалась. – Как дела?

– Привет. Да нормально.

Проще сказать, что все нормально, чем объяснять, почему так плохо. А мне стало плохо после встречи с Захаром. От этой его желтокупальниковой девицы. Что-то раньше я ее в нашем городе не встречала. Может, какая-нибудь «звезда»? Модель? Где это ее Захар отхватил?

Я смогла пролежать на песке не больше получаса. Даже в воду не полезла, хотя жара стояла прямо-таки июльская –

и это в конце августа. На площади Макарова даже не было ни одного скейтбордиста – все от жары попрятались в тень и на речку. Захар этой длинноногой в желтом купальнике меня просто убил. Я напялила шорты, топ и вяло побрела на автобус.

Зазвонил телефон. Захар? Прошло часа три после пляжа. И солнце исчезло. Захар уже вполне мог быть дома. Схватила трубку. Голос заставил поморщиться… Вовсе даже не Захар, а снова гусь из редакции «Юность города». Я ему стихи посылала месяц назад и материал о молодежном клубе.

– Да, слушаю…

– Виолетта?

– Да, да, это я! – ох, как мне хотелось бросить трубку. Я знала, что он скажет! Я уже слышала его ответы. Лучше бы не звонил!

– Виолетта, я прочел ваш материал. Он заслуживает внимания, но…

– Я ничего переделывать не буду, – сказала я жестко. Он меня достал, корреспондент этот. Надоело. Одно и то же, одно и то же. Уже целый год: заслуживает внимания, но… Стихи хорошие, но… И никогда ничего не печатает. Ни-ког-да! Да он никогда больше ничего от меня не получит. Ни-ког-да!

– …Слушайте. Я вас ненавижу, – сказала раздельно, почти по слогам. Я прямо отчеканила это: НЕНАВИЖУ. – Вы сделали мне столько гадостей. Не звоните сюда больше! – Я закричала: – Я никогда ничего вам больше не дам! Я видеть

вас не могу, слышать вас не могу! Не звоните сюда больше! Поняли?

И бросила трубку.

Вот. Теперь я счастлива. Я права. Надоели. Мои стихи гениальные, слышите? Вы просто ничего не понимаете в поэзии в этой вашей редакции вшивой. Ха-ха, *они* делают мне замечания! *Они* не желают видеть, как написан мой материал, а он написан классно! Клас-сно, понимаете, да?!

Я подошла к зеркалу. Я смотрела на себя и видела там необъяснимую злую улыбку и расширенные зрачки. У меня даже, кажется, раздувались ноздри. Как у лошади. Ух ты, как я его! Так и надо. Я себя уважала. Да. Так и надо с ними обращаться! Только так.

Наплевать.

Сердце билось как сумасшедшее. Как будто бы я перенесла тонну кирпичей на десятый этаж.

Наплевать. Скоро зима. Светлая, спокойная зима ожидает нас всех. Все сумасшествие сойдет, все изменится к лучшему. Сейчас каждый день выжимает столько энергии, столько силы. Не могу больше. Вчера поссорилась с мамой. Она купила мне туфли и старушечью юбку – в школе носить, а я сказала, что они мне не нужны, я буду ходить в школу в джинсах и кроссовках. Ох, как мы поругались! Кричали обе, как на базаре! Две базарные тетки!

Послезавтра первое сентября. Сочувствую себе. Печальная это дата – первое сентября. Хотя кому как, конечно.

У нас в классе есть типы, которые первого сентября мчатся в школу на крыльях счастья. Словно не дяди и тети, а какие-то сопливые первоклашки, верящие в светлое будущее.

На днях на нашу лестничную площадку переехал парень. Вся семья, конечно, переехала вместе с ним. Елки! У него такие глаза! Такие, елки, го-лу-бы-е! Я прямо остолбенела, когда увидела. Под цвет его джинсов прямо. Я поднималась, а он спускался по лестнице. Лифт как раз на профилактическом ремонте был. Парень прошел мимо не поздоровавшись. Ну, правильно, мы ведь незнакомы. Но я знала – он постоянный жилец, не гость, они вещи из машин перетаскивали целых три дня. И не поздоровался. Вот те на! В этом случае здороваться надо. Тем более с девушкой. Не мне же первой здороваться с ним. Видно, воображала или некультурный совсем. Я даже расстроилась. Через час вышла на балкон, а там тоже он – видом любуется. Он на своем балконе, разумеется, но они рядом. И ни словечка не выронил, понимаете, да? Пришлось мне ему самой «привет» говорить. Истуканами, что ли, стоять рядом друг с другом? Смешно же.

– Привет, – ответил он.

– Меня Виолетта звать, а тебя?

– Лев, – бросил он и зашел в комнату. Спрятался.

Не захотел разговаривать даже. «Лев». Кошка он задрипанная, вот кто. Львы разве такими бывают?

Вообще-то чего я к новому соседу привязалась? Что мне от него надо? От парней мне нужна только любовь. Не друж-

ба, нет. Я и от девушек дружбы не жду. От них мне нужно только поклонение. В классе все девчонки меня воображалой считают. Высокомерной, точнее.

Ну и пусть. Не хотят поклоняться – не надо, только пусть оставят меня в покое. Все.

Этот Лев-кошка, наверное, в нашу школу придет. Класс в десятый или одиннадцатый. А вдруг к нам? Я бы у него спросила, но он же не хочет разговаривать. Он же гордый. Мог бы вообще к нам не переезжать, его не звал никто вообще-то.

Листья с дуба летят. Он напротив меня, только выше, выше, до десятого этажа, правда. Дуб-ветеран. Наверное, еще печенегов видел. Листья не летят, а падают: бух, бух. У дуба листья тяжелые – медь, куда они полетят-то, бедолаги? Только вниз, на землю, на корм свиньям. Если бы они тут были, конечно. Медь. Жесть. Жесть, все жесть.

Цоя включила.

Когда его слушаю, все внутри замирает, а последние его видеозаписи! Жуть! Как будто он знал, что погибнет. Этот падающий глухой голос, тяжелый, совершенный… страшно. Понимаете, да?

Медь. Жесть.

Говорят, что юность – это прекрасное радостное время. Смотришь, мол, на мир сквозь розовые очки. Видишь хорошее, не замечаешь плохое. Ха! Видно, это кто-то в старости сказал, по забывчивости. Как бы не так – прекрасное,

радостное. Оно у меня радостное бывает? Целое лето Захара не видела – вот радость. Только думала о нем – днем, ночью. И никакой метлой его нельзя было из башки вымести. Придумали бы такую программу на компе: «Плохие мысли – вон!» Пусть бы Касперский над этим голову поломал. Он же умный. Ему бы сразу Нобелевскую вручили. Не замечаешь плохое. Два раза: «Ха!» Тогда бы я эту девицу рядом с Захаром и не заметила вовсе. И «розовые очки» – это мура. Иногда ржешь как жеребенок, не зная отчего – это бывает. Так что «розовые очки» надо заменить «телячьим восторгом». То, что юность – легкое и беспечное время – это вообще жуткая ложь. Юность – самый трудный период в жизни, понимаете, да? Осмысливаешь свое «я». Комплексуешь буквально по всякому поводу – не только я – каждый подросток. Начнем с внешности. Кто сам для себя красивый? Нет таких, все себя за уродов держат. И неумные все, я так первая дура. Не умею ни с кем общаться. У меня вообще сплошные «не». НЕ умею, НЕ могу, НЕкрасивая, НЕумная… И еще – и это самое главное: ощущаешь свою полнейшую НЕнужность в этом мире. Раз ничего не умеешь, значит никому и не нужен, ни людям, ни государству (ха-ха, громкое слово). Совсем один, родители сами по себе, и давно. К тому же растешь как бешеный, сам из себя выпираешь, боишься себя. Своего тела боишься: все ли у тебя нормально растет?

Я снова покосилась на телефон. А чего я сижу возле него, как кошка у мышиной норки? Почему я жду, что Захар по-

звонит? Он что, мне когда-то звонит? Или я сама, что, не могу с ним связаться?

Я набрала знакомый номер.

– Алло, Захар, это ты?

– Да.

– Что ты делаешь?

– А че?

– Просто. За что ты меня ненавидишь, Захар?

– Кто тебе так сказал?

– Ты меня ненавидишь?

– Нет.

– Любишь?

– Нет.

– А что?

– Ниче.

– Все вы меня ненавидите.

– С чего ты взяла?

– Вы меня ненавидите?

– Нет.

– Любите?

– Нет.

– А что?

– Ниче.

Я положила трубку. И совсем забыла, что позвонила затем, чтобы узнать, с кем он был на пляже. Жуть и мура просто.

Одно хорошо: этим летом я наконец-то перестала бояться быть самой собой. Раньше заставляла себя говорить о пустяках, всяких тряпках, побрякушках с девчонками, заставляла себя с ними общаться, шла против своей натуры, понимаете, да? А теперь – со всеми молчу. Не буду больше с ними трепаться. Они сами по себе – я сама по себе. Пусть думают обо мне, что хотят.

Солнце пустилось в путь на ночлег. Скатываясь с дневного холма, укрылось легким облачком-парео. А краснющее-то! Похоже, сегодня оно на пляже перестаралось. Кефирчиком его помазать. Поднялся ветер, зашуршала листва на дубе. Шумящая листва меня всегда успокаивает. Хлопнула входная дверь – мать с работы пришла. Вечер.

Я снова выбралась на балкон. Листья вызвали меня по скайпу[1] шелестящим вызовом-звонком. Приветик, дуб! Ну, что скажешь?

Дуб не напрасно меня вызвал: на своем балконе стоял и потягивался новый жилец. В шортах, с голым торсом. Он ко мне повернулся. А глаза! Го-лу-бы-е – как кусочек неба в темных дождевых тучах. Смотрит на город с высоты восьмого этажа – куда его с родителями занесло? Что за район? Деревня или все-таки город?

Увидел меня и улыбнулся.

– Привет! – надо же, поздоровался!

– Привет, – ответила я, сильно обрадовавшись. – Мы с

[1] Sky – небо (*англ.*).

тобой сегодня уже здоровались.

– А, точно. Ну ничего.

– Ты в нашу школу завтра пойдешь, да?

– Вероятно. В тридцать первую.

– В нашу. В какой класс?

– Десятый «А».

– В наш!

– Вот здорово! – парень снова широко улыбнулся. – А ты сядешь со мной? Расскажешь про всех.

– О'кей!

– Прости, забыл, как звать-то тебя?

– Вета. Виолетта, значит.

– Ветка, значит?

– Пусть будет Ветка. Меня многие так зовут.

– А какого ты дерева ветка?

– Ой, – я засмеялась, – ой, я и не знаю. Я об этом не думала. Тебе какого хочется?

Он придирчиво осмотрел меня. Ненакрашенную, потную от жары. Представляю, какой у меня вид.

– Пусть будет ветка рябины. Ты такая же стройная.

Ух ты! Да он ничего!

– Хорошее дерево. Мне нравится.

– Мне тоже. А меня звать Лев.

– Да, я помню, Лева. Ты говорил.

– Прости. Я спал и мало что помню.

– Плохая память?

– Плохое настроение. Я его переспал. Только что переехали, ничего не могу найти. Ну, всякое такое. Пустяки.

Он обнял себя за плечи, похрустел плечами.

– Лева! – послышался из комнаты женский голос.

– Да, мам, иду! До завтра, рябиновая!

– До завтра!

– Стукнешь в двери, как в школу соберешься?

– О'кей!

Сядем с Левкой за четвертую или за пятую парту. Оттуда удобно наблюдать за Захаром, он всегда на третью садится. Из года в год.

Приятно идти рядом с красивым парнем, понимаете, да? С незнакомым к тому же. С незнакомым для других, имею в виду. Девицы из нашей школы мельком взглядывали на меня, потом на Левку и снова на меня – и не могли скрыть зависти. И поголовно все – *все,* понимаете, да? – со мной здоровались! Даже Китаева из 10-го «Б» подарила мне благосклонный кивок. Она никогда не здоровалась! Никогда! Правда, и я тоже, но она никогда, а сегодня поздоровалась. Благодаря Льву, конечно. Наверное, они хотели, чтобы он тоже всем отвечал на приветствия, а не только я.

Щас! Будет он с вами со всеми здороваться! Щас! Кто вы такие вообще-то?

Шли и болтали о пустяках. Лев рассказал, что их семья не из нашего города.

– Жили раньше в Воркуте, знаешь город такой за поляр-

ным кругом?

– Ага, слышала, там шахты, да?

– Ну да. И еще сейчас там такие зоны, как в «Сталкере», – целые дома, магазины, школы – вымершие, окна выбиты, одни кошки шныряют и еще пацанва. Памятники руку вперед вытягивают, пустоту щупают.

– А чего там случилось-то? Тоже, что ли, Чернобыль?

– Нет. Все гораздо проще. Шахты позакрывались, народу работать негде, уезжают. Да вообще просто бегут все. Продают квартиры буквально за бесценок. За две тыщи баксов трехкомнатную.

– За две тыщи? – я остолбенела.

– Ну, за четыре… словом задешево. Мы еще не продали свою. В центре города, шикарная нормальная трешка. Хочешь купить?

– За четыре рубля – да запросто. Прямо сейчас можно?

– А осмотр? Покупают же после осмотра.

– А мы с уроков сбежим на поезд и туда, в твой хауз – на осмотр.

– Классно!

– Сколько уроков пропустим?

– Ну, не менее ста, – Лева стал подсчитывать в уме: – Три дня туда, три дня обратно, день на смотрины – если по шесть уроков в день – полтинник.

– Да? Я думала, больше.

– Нет, это же не Дальний Восток. Страна с юга на север

не очень протяженная. Ехать до Воркуты три дня отсюда на поезде.

– На оленях лучше!

Посмеялись.

– Чай там попьем, – добавил Лева.

– А как же! С сухариками!

Красиво вокруг было, листья золотели прямо на глазах, и еще малышня… Малыши меня всегда в этот день умиляют – такие все серьезные, девчонки с белыми бантами, мальчишки – женихи в миниатюре, все в костюмчиках, не хухры-мухры, у всех букеты в руках, некоторых за цветами вообще не видать, одни только ушки-лопоушки.

Когда-то мы тоже такими были, понимаете, да?

Гляжу сейчас на старшаков – дяди и тети. И никаких костюмов: футболки навыпуск и джинсы, все самое-самое обычное. Оп-ля! Нет, один разоделся, есть у нас в школе придурок. Павел Винталев. Этот в костюме был, вышагивал с мамой под ручку. При букете, кА-анечно. Винталев – медалист с первого класса, у него на лбу было написано: меда-лист. Ему положено в костюме с галстуком ходить, банкир долбаный. А что, Пашка не банкиром, что ли, будет? Как же – филологом-поэтом. Чтобы две копейки в год зарабатывать.

Пересекли площадь Макарова. Она сегодня вообще пуста – скейтбордисты в школу потопали. Но что тут будет после уроков! На улице солнце смайликом добродушным, все

школьники придут кататься. Тут удобно.

Как я и предполагала, Захар сел за третью парту в первом ряду. Четвертую уже заняли Мокрецова с Топилкиной.

Захар на меня покосился.

– Знакомься, Захар, – сказала я, когда мы проходили мимо него. – Это Лев. – Я даже не остановилась, когда это произнесла. Как будто Кислицин мне вообще побоку.

– Ну, – кивнул Захар, искоса глянув на Левку. Даже не поздоровался! Ни со мной, ни с новеньким.

– Давай сюда сядем, – сказала я Леве, кивнув на пятую парту. И оглянулась на Захарыча.

И тут наши взгляды встретились. Во взгляде Кислицина я прочла заинтересованность. Ему стало интересно, – понимаете, да? И у меня замерло, а потом галопом помчалось сердце. Любопытно ему стало – с кем же это я в школу заявилась? Ведь он таких не знает, а Захар все должен знать. А как же! И ему дела нет, что я тоже не знаю его девицу в желтом купальнике. И спрашивать не буду, просто умру от любопытства, а не спрошу. Я понимала, конечно, что это не любопытство, а самая настоящая ревность, но боялась даже самой себе в этом признаться.

– Ой. Я телефон в ветровке забыла, – я растерянно посмотрела на Леву, – пропусти меня, пожалуйста. – Он с краю сел, а я у окна.

Я вылетела из класса.

Забыть телефон в раздевалке нашей школы – значит за-

просто его лишиться. И не важно, что мобилу можно купить сейчас в каждом киоске за сто рублей. У наших школяров это что-то вроде охоты по карманам. Нашел копеечный мобильник – удача, словно настоящий охотник в настоящем лесу подстрелил белку, понимаете, да?

Возвращаюсь из раздевалки с телефончиком в кармане джинсов, смотрю, из 1-го «В» выбегает зареванный мальчишка. Наверно, потому и выбежал из класса, что заревел. Звонок на урок еще не звенел. Кто-то побил там парня, что ли.

– Эй, ты чего шумишь? – я возникла перед ним, как мамаша, честное слово. Такой он был маленький, тщедушный, а я такая над ним огромная. Он в костюмчике с галстуком, как у всех первоклашек принято, я уже говорила.

– Та-ак, – мальчишка утер слезы одним рукавом, другим.

– Чего «так»? Что за «так» первого сентября? В мир знаний пришел, разве можно сегодня реветь, эй, парень?

– Мой буке-ет! – ревет мальчишка и утирает слезы рукавами.

– Что твой буке-ет?

– Вы-ыкинули!

– Кто выкинул, куда?

– Учительница-а бросила в у-урну…

Я почесала затылок. Да-а. Задачка с тремя известными. Вот и первый урок бедолаге.

Мы-то, взрослые старшеклассники, все уже понимали. За-

чем учительнице много цветов? Зачем дети тащат их в школу? Этот обычай давно надо отменить. Да, да, именно: запретить приносить цветы! Потому что букеты похуже учителя выбрасывают. Что мы, урн с цветами не видели? Да сколько угодно!

– Не реви, Буратино, спасем твой букет. Учительница в классе?

– Нету-у, куда-то ушла-а…

– Ну, веди меня к вам в гости.

Зашли мы к ним в класс, малыши сидят за партами нарядные-нарядные и грустные-грустные, а в урне в углу – цветы, полная доверху урна, букеты вниз головой как утопленники без воды стеблями вверх.

Ненавижу таких училок! Ну скажите, зачем это надо делать при детях? Что, нельзя цветы в учительскую оттащить? А уж после уроков выбрасывать? Можно и вообще не выбрасывать. Подарить лишние букеты уборщице, в столовую отнести – поварам. Или просто в школьной столовой на столах расставить. Красиво же будет! Празднично!

Я не стала разбираться, где именно у этого мальчишки букет, взяла – и всю урну вверх ногами на пол перевернула. Дети вскочили с мест и к цветам кинулись. Только двое остались за партами – мальчик и девочка, и я поняла, что это их букеты – самые роскошные – стояли на учительском столе. Розы. Не хотите, господа, цветов-олигархов за несколько тысяч рубликов? Мне захотелось выкинуть их в окошко. Ес-

ли бы не хозяева гладиолусов – гордые мальчик и девочка, так бы и сделала, полетели бы гладиолусы из окна на головы прохожим.

Первоклашки каждый свой букетик нашел, к груди прижал и на место отправился. Второй звонок прозвенел. И тут дверь открылась и на пороге учительница возникла. Молодая. Накрашенная. Ресницы в палец длиной. Наверное, даже не накрашенные, а наклеенные. Хлоп-хлоп на меня этими черными карандашами.

– Что тут происходит?

– А то, что цветы в урну бросать не надо, – тихо, чтобы не слышали первоклассники, сказала я ей и вышла из класса. Я почти что на ухо ей это прошипела. Мы же с ней нос к носу столкнулись. Я ее даже чуть плечом в дверях не толкнула, понимаете, да? А что она проход загородила?

Дверь за моей спиной с грохотом хлопнула, а потом распахнулась.

– Я с тобой еще разберусь! – закричала мне вслед училка первого «В». И снова дверью бабахнула. Ох, как разозлилась!

Очень мне страшно, ага.

Малышей только жалко. Сразу же видно, какая мымра им в учительницы досталась.

У нас первая учительница была золотой. И с цветами у нас не было безобразий, все четыре года, понимаете, да? Нам повезло. Каждые каникулы – поездки, походы. В гости к Де-

душке Морозу в Устюг, в аквапарк на автобусе в другой город. Термосы с чаем, бутерброды. До сих пор помню их запах в прогретом автобусе. Надежда Николаевна была наша общая мама, понимаете, да? И каждый хотел к ней под крылышко.

Я поспешила в свой класс на третьем этаже. Неохота опаздывать. Вообще-то первого сентября уроков никаких нет, просто болтология, время встречи, бла-бла-бла, но все равно… К счастью, классной еще не было.

– Ты куда исчезла? – Лева с упреком взглянул на меня своими голубыми глазами. – Бросила соседа на произвол судьбы.

– Не съели тебя? – съехидничала я. – Вот и ладненько.

Я поглядела на Захара. Его спина в синем свитере выражала полное безразличие.

Вошла Лариса Григорьевна. Она и класс радостно друг друга поприветствовали после летней разлуки.

– А где у нас новенький? – Лариса Григорьевна выглядела Леву. – Лев Капитонов. Встань, пожалуйста.

Лева встал.

– Ты, кажется, откуда-то приехал?

– Да. Я из Воркуты.

– О, тундра! – засмеялся Тимка Певченко, и все засмеялись, как будто слово «тундра» теперь означало только «тупой», а не географическое понятие.

Левка сел.

– Что смешного – не пойму, – Лариса Григорьевна пожала плечами. – Вы бы лучше расспросили Леву о месте, где он жил, о школе, в которой учился.

– О девочке, с которою дружил, – подсказал Захар, не поднимая головы от парты.

– О мальчике, которого любил, – продолжил Тимка.

Все снова заржали. В нашем классе все тупые башмаки без шнурков.

– Не обращай внимания, – прошептала я Леве, – мы олигофрены, ты тут по ошибке.

– Я заметил, – пробурчал Левка и уткнулся взглядом в крышку стола.

– Эй, Тундра! – крикнул ему в спину Тимка. – У нас в классе традиционная ориентация, имей в виду.

– Певченко! Перестань сейчас же паясничать! – крикнула классная и стукнула ладонью по столу.

– А что я? – заныл Тимка. – Это он про тундру рассказывает.

Лева больше не стал слушать. Медленно поднялся, дернул с крючка под столом рюкзак и пошел из класса.

– Ты куда, э-э… – классная всполошилась и поглядела в журнал, вспоминая Левкину фамилию, – Капитонов!

– Свежим воздухом подышать. Он тут у вас больно спертый.

Толкнул дверь плечом и вышел.

– Подумаешь, гордец, – сказал кто-то, – обиделся он…

– А ты, Тимофей, думать должен, – попеняла классная Певченко. – В первый же день глупые шуточки отпускаешь.

Как будто в первый день нельзя глупые шутки, а в другие – пожалуйста. Обидно мне стало за Леву. С хорошим настроем шел в наш класс, и вот… Обломилось.

Я тоже достала рюкзак и направилась к двери.

– А ты куда, Покровская? – удивленно вопросила Лариса. – Что с вами сегодня?

– Я согласна с новеньким. Дышится тут тяжело, понимаете, да?

– С Тундрой спелась! – выкрикнул Тимка и коротко свистнул в два пальца. Это он меня освистал. Перед выходом я поглядела на Захара. Он смотрел в стол. Зараза, хоть бы взглянул на меня!

Я не стала догонять новенького. Еще подумает – влюбилась. Поплелась домой по его следам. Все равно больше никаких уроков нет. Высокая фигура Левы точкой виднелась в конце улицы, шагал в сапогах-скороходах. Сбегал от нас, приветливых и радушных.

Мама была дома. У родителей сельскохозяйственная страда. Каждый год первого сентября берут день отгула, чтобы выкопать картошку. И мне сразу сказала: идти копать. Даже не спросила, почему я так рано вернулась из школы.

– Отец уже на поле.

– Опять эта каторга! Надоело!

– Не ворчи, Виолетта.

– Не ворчи, не ворчи… Как я это ненавижу! Каждое первое сентября у тебя, мама, песня про картошку. Когда-нибудь она кончится?

– Деньги на автобус на трюмо, – сказала мама вместо ответа, – давай, ешь и догоняй. Может, застанешь меня на остановке.

Картошку, как и все овощи-фрукты, продавали в магазинах – покупай, сколько хочешь. Нет, матери зачем-то надо выращивать ее самой! На поле, за городом. Другие овощи она тоже сама выращивала, на даче. Это мамин персональный «бзик», с которым смирился отец. И мне тоже надо перенимать дурацкую привычку овощевода, понимаете, да? И тоже смиряться. А я не хочу! Не хочу – и все!!! Мне не нужна вообще эта картошка, и я уже три года подряд пыталась бастовать. Не тут-то было! Картошка – важное семейное событие, и не пойти ее ковырять – значило оставить семью без второго хлеба. А как же! Картошка, выращенная тобой, вкуснее, сочнее, в ней витаминов в сотни, нет, в тысячу раз больше, чем в магазинной – по компетентному мнению мамы и папы. Вот такая стариковская фигня.

И сейчас бунтовать было бесполезно, скандала я не хотела. Так что перекусила и пошла вслед за мамой на автобус.

Автобусы у нас полный отстой. Больше всего маршруток: «Газелей», «Соболей». Сядешь в такую железную «животинку» и ждешь, пока она заполнится пассажирами. Тупизм просто. Водители у нас очень жадные. Как будто лиш-

ние пятнадцать рублей сделают их богаче. А может, и делают, не зря же они так подолгу стоят на каждой остановке, наверное, есть в этом смысл. Пассажиры сидят как безропотные бараны. Привыкли. Однажды я спросила одного молодого водителя, долго нам еще ждать, скоро он отправится? Он ответил: через минуту. Но прошло пять, а мотор не завелся. Я встала и сказала ему об этом. Не очень вежливо, видно, сказала – ненавижу, когда обещаний не выполняют. А он как заорет:

– Торопишься, так на такси езди!

Лицо у него было такое… совершенно не запоминающееся. Глаза, нос, рот – вот и все, что можно сказать про такое лицо. И еще то, что оно было страшно злое. Я разозлилась и вышла. Больно надо время терять, сидеть тут с безмолвным народом. Да и гордость надо иметь вообще-то. Вредоносный шофер это увидел и сразу тронулся. Мне назло! Просто свинья. Я ухмыльнулась и пообещала себе, что вообще не буду в маршрутки садиться, только в автобусы, там не ждут, а сразу едут. Наверное, потому что они не частные, а государственные. А еще лучше вообще ходить пешком, а если ездить, то на своем собственном «Кадиллаке».

Но на картофельное поле пешком не пойдешь. Все-таки четыре остановки.

Остановка рядом с нашим домом. Растрескавшийся асфальт, из трещин лезет трава. В переполненной урне пустые пивные банки, бутылки и обертки от мороженого. Два парня

ждут автобус. Один из нашего дома, но я не знала, как его зовут, он из другого подъезда.

– Привет! – поздоровался парень, кинув бычок мимо урны.

– Привет!

– Ну как – много двоек нахватала?

– Каких двоек? – я даже не поняла сразу. Сегодня же первый учебный день. Какие двойки? И вообще, что я, первоклассница, об оценках у меня спрашивать.

– Каких-каких… в дневнике.

– В каком дневнике?

Парень растерялся.

– Ты что, в школу уже не ходишь?

– Да лет пять уже не хожу!

А что, он не может о другом с девушкой поговорить? Только о двойках?

– Ничего себе. А выглядишь моложе. Как же время бежит… блин…

Он не «блин» сказал, а словечко покруче.

Подкатил автобус. «Пазик», не маршрутка, которые водят хамы и хапуги. Народу в нем немного, не час пик. Я села и уставилась в окно. Проезжали по частному сектору, в котором башнями возвышались многоэтажки. Наш дом – одна из таких. Их тут все больше и больше. Город давит на одноэтажные деревянные теремки, на огороды и маленькие сады. Частные домики такие живые, душевные по сравнению с ка-

менными громадами. Окна в них смотрятся, как грустные, с морщинками, глаза. И всегда у домиков клумбы с цветами… Да, милые теремочки… некоторые прячутся за рядом берез, около одного дуб стоял богатырем и охранником… А вот двухэтажный кирпичный дворец. Особняк со стенами-«фонариками», красная черепичная крыша, стеклопакеты, кирпичный забор за миллион долларов…

Я согласилась родителям помогать, но вытребовала себе самостоятельность. Работала одна. Врубала лопату под картофельный куст, хватала его за загривок и поднимала вместе с кучей земли, в которой прятались розовые, как поросята, клубни. Собирала в ведро, а как оно набиралось с верхом, ссыпала в мешок. Папа с мамой работали в паре. Обычно было так: папа копал, а мы с мамой собирали. Но сейчас нет. Я сама, если уж нельзя слинять.

Происшедшее в школе не выходило из головы. То, что мы с Левкой солидарно покинули класс, не имело ровно никакого значения. Ну, может, Лариса чуть погундосит, но это ничего. Ведь не было уроков. А был просто треп, потому Тимка и обозвал Леву «тундрой». Были бы в расписании нормальные уроки, а не то, что по-дурацки называется «днем знаний», все бы было по-другому. Нет, чтобы сразу начать учиться, выдумывают какую-то пустопорожнюю чепуху. А еще я вспоминала малыша в костюмчике: успел он свой букет подобрать или нет, и что с ним сделал: снова учительнице преподнес или отнес маме. Я бы выбрала второе,

но ведь мамаша будет его пилить, если он вернется с букетом… трудная эта малышовая жизнь.

В небе заливались десятки жаворонков. Мне казалось, что все они работали звонками на Первое сентября, только очень высоко звонили. Скоро эти «звоночки» улетят в Африку или Египет. Интересно, там они звенят в небе или скучно поживают в египетских кущах без песен – перезимовывают на юге.

День был почти по-вчерашнему теплый, но солнце светило мягче, словно сегодня после вчерашнего загара оно облачилось в парео. Начался сентябрь, лето кончилось. Но не у нас, а где-нибудь в Воркуте. Я подумала, что Захар снова может быть на пляже. Ведь из школы их давно отпустили. И в этом случае – что делаю я на дурацких картофельных грядках? Мне немедленно нужно тоже на пляж!

Я подошла к маме и соврала, что к трем часам нас звали в школу на какое-то организационное собрание и что мне нужно просто срочно бежать. Я еще хотела попросить, чтобы папа подвез меня в город на машине, но потом решила, что для выдуманного совещания это уж слишком. Не скажу, что известие про собрание доставило родителям удовольствие, но мне было наплевать. Я им уже нарыла два мешка отборного картофеля.

– Что делать – иди, раз надо, – вздохнув, разрешила мама и утерла со лба пот тыльной стороной ладони.

– Спасибо, мам!

Я повернулась и побежала по направлению к автобусной

остановке, но запнулась о свое пустое ведро, поставленное самой же себе на пути, и свалилась на мягкую перекопанную землю.

– В гробу я видела вашу картошку! – крикнула я, со злостью отряхивая джинсы от жирной земли.

– Об этом ты зимой скажешь! – крикнул в ответ папа.

– Ненавижу вашу картошку! – от меня ему ответ.

Зимой! Я ее вообще могу не есть – ни зимой, ни летом, и вообще от нее толстеешь.

Меня сильно волновал вопрос: Захар на пляже один или с девицей в желтом купальнике? Если они снова вместе, я просто сойду с ума или утоплюсь с горя прямо на их глазах.

Дома лихорадочный поиск купальника-полотенца-сланцев, и вот я бегу по площади Макарова, сталкиваясь с юными скейтбордистами, и предвкушаю, как пройдусь перед Захаром в новом купальнике, нормально, по-школьному, накрашенная, а его подруги в желтом купальнике нет. Он один. Испарилась подруга, ура! И чего я не спросила сегодня у Захара, кто такая эта длинноногая. А, вот почему. Я же была вся поглощена впечатлением от новенького и тем, как все на нас обращают внимание. И Захар в первую очередь. Он ведь оглянулся! Чтобы Захар – да когда-нибудь на меня оглядывался… такого не бывало.

На пляже Аня Водонаева, Серега Пяльцев, Чердак из 8-го «А» и еще куча народа из школы, а Захара нет. Почему я Левку не позвала, он же не знает, где у нас пляж, может,

он тоже купаться любит. После своего Заполярья – тем более. Может, он и не купался никогда в жизни в нормальной реке. Может, и не знает, что это такое. Вот такая я эгоистка, забываю про ближних.

Река совершенно мирно текла в своих салатовых берегах, бурунчики поднимались только вокруг бултыхающейся у берега малышни. На другом берегу, далеком-далеком, маячили фигурки рыбаков. Мне вдруг скучно стало без Захара, и захотелось снова домой. Елки, даже уроков не задали, я бы даже уроки поучила от нечего делать. А на картошку я больше не вернусь ни за что. Стрекозы летали, как сумасшедшие, с глазами на полголовы. Вот бы мне такие глазищи. И от крыльев я бы не отказалась. Летала бы над Захаром. Так высоко, чтобы он меня не замечал. И жалила бы всех девиц, приближающихся к нему на расстоянии полкилометра. Хотя стрекозы, кажется, не жалят. Вообще не знаю, что они делают. Кроме того, что жрут тонны мошек.

Я с разбегу бросилась в воду и поплыла. Быстро, рывками, дальше, дальше от берега. Люблю воду. Она вот как стрекозиные крылья прозрачная. Ласковая, свежая. Я не очень хорошо плаваю, а тут плыла и плыла без страха. Легко, свободно. Оглянулась на берег – а он еле виден! Как же я заплыла так далеко? Даже странно, никогда такого не было. И вдруг я запаниковала. Представила, что подо мной нет дна. И что до другого берега я не дотяну. А до этого? Тоже! Я повернула в сторону пляжа и замолотила ногами по воде. Елки… ведь все

хорошо, плыви, как плыла… так нет же… мне показалось, что у меня не выдержит сердце. И тут я почти сразу стала тонуть. Хлебнула воды раз, другой, ноги-руки молотили по воде беспорядочно… Нет, надо успокоиться. В чем дело? Я же умею плавать… почему вдруг потерялась эта способность? Крикнуть «помогите»? Нет, ни за что, я умею плавать. Тонут только пьяные или малыши. А я трезвая и взрослая.

Я постаралась успокоиться, привести в порядок нервы и конечности. Поуспокоившись, руки-ноги заработали более-менее равномерно. Вот. Вот так… вот так, все хорошо, скоро зима, и все образуется, нет Захара на пляже, ну и не надо. Вот уже и берег рядом, я доплыву! Что за истерика была? Глупо… На берег я буквально выползла. Лежу на мокром песке и не могу отдышаться. Все-таки паника – это ужасно. Все плохое в мире происходит из-за нее.

Дома вышла на балкон развесить мокрые вещи. Дверь соседского балкона была закрыта. Очень мне это не понравилось. Словно этой закрытой белой дверью Лева отгородился от меня, понимаете, да? А от меня отгораживаться не нужно. Я ни при чем. Я из-за него из школы слиняла. Проявила, так сказать, солидарность. А может, там, в квартире, и нет никого?

– Эй! – крикнула я. – Эй, Лева!

Как ни странно, он сразу появился. Вышел на балкон мрачный как туча. Даже глаза посерели.

– Привет.

– Привет, Лев. Ну, и как тебе наш класс? Много добрых впечатлений?

– Дебилы, – сказал Левка и сплюнул с восьмого этажа через перила. Хорошо, что на дуб не попал.

– Между прочим, я тоже ушла. Вслед за тобой.

– Зачем?

– Ну, как же. В знак солидарности.

– Спасибо. Но такие жертвы ни к чему, сударыня.

– Нет к чему. Ты в нашем классе пока что чужак, а если я слиняла, своя в доску, может, поймут, что к чему. Но это Тимка Певченко дебил, другие – получше, просто они не высказывались, а высказались бы – ты бы увидел.

– Ага, – пробасил Левка, глядя не на меня, а вдаль. – Был там еще один – длинноволосый, тоже высказывался.

Я вспыхнула.

– Длинноволосый – это Захар, – мне приятно даже просто произносить это имя. – *Кислицин Захар.*

– Да мне хоть кто, – скривился Лева, – в другой класс, может, перейти?

– Думаешь, другой лучше? Да все такие, Лев! Не обольщайся. А у вас в школе что, не так было?

– Да как-то там поприличней публика, – ответил Левка. – Может, потому что знакомые все.

– Ты не хандри, завтра уже все нормально будет. Физика начнется, геометрия, ты покажешь свои выдающиеся способности, и они заткнутся, зауважают тебя.

– Придется так и сделать, – подтвердил сосед на полном серьезе. – А ты что, в бассейн ходила? – он кивнул на купальник, с которого срывались светящиеся на заходящем солнце капли.

– Почему в бассейн? У нас в реке можно купаться. Запросто! – Я засмеялась. – А у вас только в бассейне купаются?

– Да, в бассейне. В Воркуте классный бассейн. Аркадий Вятчанин – чемпион мира по плаванию – там воспитался, в курсе?[2] Нет, я знал, что на вашей широте тепло, но ведь уже сентябрь, осень. Птицы улетают и всякое такое.

– Ну и что – осень? У нас в сентябре еще купальный сезон. Вода – прелесть, парное молоко! Жалко, ты не ходил.

– Увы, – он пожал плечами, – меня не позвали.

– Ох, прости, я просто не догадалась.

И правда, не догадалась. Когда я думаю о Захаре, все другие мысли просто выскакивают из головы.

На пляже Кислицина не было, и это очень нехорошо. Кто знает, чем они с той незнакомой девицей занимаются дома и вообще где он? Где *они*?

Я надеялась, что Захар мне позвонит и спросит про новенького. И почему я за ним ушла, как верная подруга. Может, я даже ушла для того, чтобы Захар обратил на меня внимание. Я почему-то всегда надеюсь, что Кислицин вдруг да

---

[2] Аркадий Вятча́нин (род. 1984) – российский пловец, выступающий в плавании на спине, многократный чемпион Европы, многократный призер чемпионатов мира.

все-таки мне позвонит на домашний. Номер моего сотика он не знал.

Но Захар, конечно, не позвонил. Зато звякнула Аня Водонаева. Спросила, откель Лева свалился, кем мне приходится, почему мы вместе шли в школу.

– Мы и сидим вместе, Ань.

– Ух ты! Поздравляю. Он душка. И Алке Китаевой понравился. Сказала: «Покровская с таким мачо под ручку шла!»

Аня с Китаевой в одном классе.

– Может, он твой двоюродный брат? – с надеждой в голосе спросила Аня.

– Не надейся, этот мачо – мой парень, – соврала я.

– Что-то раньше мы о нем не слышали, – съехидничала Водонаева.

– А ты, Аня, много слышишь обо мне?

– О, конечно! Ты у нас личность известная. Ну и кто же он? Где ты его отхватила? Почему молчала о нем? Ты уже не любишь Захара?

– Слишком много вопросов.

– Хотя бы на один ответь.

– Хорошо. Отвечу на первый. Я отхватила его на соседнем балконе.

– Так он твой сосед?

– Yes.

– Так он не занят?

– Не знаю даже, как сказать. Смотря как судить. Сижу с

ним я – и точка. Не мылься.

– Не мылься! Я же вообще в другом классе!

– Пока, подруга.

– Нет, Ветка, подожди. Знаешь, почему я спросила, не твой ли это кузен? Знаешь?

– Ну откуда мне знать, Ань? Я же не бабка-отгадка.

– У Захара двоюродная сестрица объявилась.

У меня заколотилось сердце. Вот кто это в желтом купальнике! Тайна раскрылась. Ура! Они просто родственники.

– Да-а? Откуда такие сведения?

– Он меня с ней познакомил. Вчера, на пляже. Лилькой зовут.

– Лилей, значит.

– Ну, конечно. Лилей Георгиновной Ноготковой.

– Правда? Так и зовут?

– Ветка, ты что?

– Ну вот… а было бы здорово. Поэтично так – Лилия Георгиновна. Слушай, Аня, как ты думаешь – в кузину можно влюбиться?

– Сейчас это не принято, а в прошлых веках – за кузенов выходили замуж.

– Ужас!

– Согласна. Лилька – твоя соперница. Но она из другого города и, может, уже уехала.

– Понятно. Спасибо за инфу.

– Пожалуйста. Ты в долгу и должна рассказать про своего

соседа.

– О'кей, расскажу, когда что-нибудь узнаю. О'кей?

Лева вышел с фотоаппаратом и стал фотографировать с балкона виды. А у нас очень красиво, не вру. Во-первых, дуб, видевший печенегов. Во-вторых, мелкие жилые домики – как игрушки на ладони. Вдали виднеется сосновый бор. А слева – купола новой церкви. Сейчас солнце шло на закат и по пути присело отдохнуть на купола. Сидело сразу на всех пяти.

Лева все это снял, а потом – раз – перевел камеру на меня. Щелк, щелк. И еще раз щелк.

– Эй, вообще-то предупреждать надо, я бы хоть мордаху приготовила.

– Когда готовят – пресно.

– Ты любишь заставать врасплох?

– Не врасплох, но чтобы было естественно, не люблю я деланые девчачьи улыбки.

– Почему это они деланые?

– А разве нет? Приготовил улыбку. Сказал: «чи-из»…

– Можно и сы-ыр сказать, эффект тот же… Слушай, Лев, а пошли сейчас искупаемся?

– Ветка, стемнеет скоро.

– Да мы быстренько! Я тебе нашу речку покажу! Она славная!

– Ладно, давай! Через минуту буду готов.

Солнце уже совсем скатывалось к горизонту, и песок был

розовый. На пляже почти никого не осталось, только вдалеке тусовалась кучка парней с голыми торсами да рядом парень с девушкой сворачивали резиновый матрац. Чуть позади стояла их машина – маленький «Пежо» с открытой дверцей.

– Хорошая машинка, – кивнул на нее Лева и прищелкнул языком, – просто игрушка. Скажу отцу, пусть такую же покупает. Только большую. Этот «пыжик» все-таки мелковат.

– Да что ты на машину уставился? Ты на речку глянь! Эй!

Речка со светлой водой, до дна прозрачная. Мальки резвятся у берега. Здесь, у ног, берег песчаный, противоположный – обрывистый, в зеленых кущах. Под обрывом всегда замершие фигуры рыбаков, лиц не различишь – далеко, поэтому их можно принять за одних и тех же – стоят вечно, как памятники.

– Отлично тут, – Левка, завертел башкой. – Все у вас отлично. Никак не могу привыкнуть, выйдешь из дома – и деревья рядом. За ветку тряхнешь, поздороваешься.

– Да, этого добра – навалом. Ну что – догоняй, если плавать умеешь!

И я поплыла так же, как днем, – залихватски весело, и мне совсем не было страшно, потому что за мной, а потом рядом, а потом – чуть впереди плыл парень. Красивый парень, с классной фигурой, широкоплечий мачо, он был внешне лучше Захара. И я не могла понять, почему же я все равно думала о дурацком своем Захаре, вот ведь прописался в сердце, никакая полиция его оттуда не вытурит.

Над нами пролетели чайки. Туда-сюда, опять туда. Они вечером променад над рекой делают. Кричат пронзительными противными голосами. Тоже парами летают. И мы – пара, поэтому никакой истерики, никакой паники сейчас и быть не могло.

Мы вышли из воды и стали вытираться полотенцами – засиживаться на пляже до темноты не было никакого резона. Солнце чиркнуло по горизонту. Кучка тех же самых парней вдалеке баловалась стрельбой из пневматической винтовки. Мы уже оделись, и тут я заметила, что Левка озирается и щупает ветки ближайшего шиповника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.